

A romantic scene of a man and a woman embracing in shallow water at sunset. The woman is in the foreground, wearing a black bikini, looking back over her shoulder at the camera. The man is behind her, wearing black swim trunks, with his arms wrapped around her. The water is dark, reflecting the golden light of the setting sun, creating a shimmering effect. The overall mood is intimate and sensual.

Марк
Довлатов

Секс
в аквариумных
тонах

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марк Довлатов

**Секс в аквамариновых тонах.
Сборник эротических рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Довлатов М. ..

Секс в аквамариновых тонах. Сборник эротических рассказов /
М. .. Довлатов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0827-1

Бархат морской воды на коже, золотистая лунная дорожка на черном зеркале воды, соль на губах, предвкушение и взрыв, цунами наслаждения – все это любовь на море. Рай? Идиллия? Нет. Иногда налетает шквал ревности, или пираты хотят похитить твое главное сокровище. Но, если любовь настоящая, тебе нечего бояться – прыгни в море и плыви к своему Острову, где ты обретешь все, что хотел. Для оформления обложки использована иллюстрация с сайта pixabay, автор English Pexels. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-0827-1

© Довлатов М. ..., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Голубая лагуна	5
Клеопатра в Шаркс Бэй	18
Обнаженное море	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Голубая лагуна

*Прыгни в море.
Почувствуй соль на губах.
Видишь тот остров?
Просто плыви – там твоя гавань*

Михаил поставил чемодан, достал ключ и открыл дверь своей квартиры. Из кухни вышла Белка и уставилась на красный чемодан на колесиках.

– Ты уезжаешь?!

– Да, надоел мне этот Мухосранск.

– В командировку? Квалификацию повысить? Будут тебя учить, как из Машунок лишнюю трешку вытрясти?

– Нет. Проветриться надо. В отпуске еще ни разу не был.

– Ах провееетриться ему надо! И с кем? Я тебя и тут быстренько проветрю – видишь, какой у меня вентилятор, – девушка повертела сковородкой, которую держала в правой руке.

– Да не дури, Белка. Видишь, чемодан какой большой.

– И что – пирожков тебе туда напечь?

– Сама залазь.

– Так ты меня с собой берешь?!

– Ну а как же, глупая ты какая.

– Правда?! А куда мы поедem? В «Лесные озера»?

– Не, не хочу никаких озер: пиявки всякие – присосутся тебе к заднице, что ты будешь делать.

– А я больше никаких баз отдыха у нас и не знаю.

– Нуууу... то ж у вас.

– Мишка, ну перестань меня томить. Пока я еще добрая.

– А ты бы куда хотела?

– Куда?

– Да. Вот если б тебе фея... или старик Хоттабыч... сказали: Куда ты хочешь, Белка.

– Я бы им сказала... даже не знаю...

– Ну это же фея... золотая рыбка... любой каприз.

– Я хочу... я хочу... а на море можно?

– Можно.

– Ты что, серьезно, Мишка? Или издеваешься над бедной девочкой?

Михаил достал из заднего кармана туристический буклет и протянул девушке: песчаный пляж, пальмы и сине-зеленое море, сверху была надпись «Голубая лагуна». Белка оторопело посмотрела на фотографии, покрутила буклет и понюхала его, потом подняла глаза.

– Так это правда?!!! Мишка! Ну скажи!

– Меня повысили.

– И кем ты теперь работаешь?

– Стариком Хоттабычем. И феей с золотой рыбкой в пакете.

Белка с грохотом уронила сковородку, бросила буклет и прыгнула на Михаила, обхватив его руками за шею и обвив ногами его талию. Она целовала его, куда попадали губы: в нос, в глаз, кусала за ухо, потом ухватила за оба и стала трясти.

– Белка! Отпусти, ты что, блин, задушишь!

– Мишка!

– Что?

– Пошли.
– Да еще ж не собрались.
– Потом. Я хочу сейчас.
– Та не – у меня чемоданное настроение.
– Так ты не хочешь, подлец?!
– Белка, ну подожди, ну что ты такая буйная... сначала сковородка... теперь... а что ж ты на острове делать будешь.

– На острове?! А как мы туда доедем?
– Вот, дурында ты какая – доедем. На самолете полетим.
– На самолете?! Так у нас же аэродрома нет!
– Ну в Москве есть. Туда на поезде, потом на самолете.
– Так мы в Москву поедим?!
– Да мы в Голубую лагуну полетим – нужна тебе эта Москва драная. Понимаешь – на остров! В Индийском океане!
– В океане?! Я щас умру!!!

Белка опустила ноги на пол и стала быстро расстегивать ремень на джинсах Михаила, он со вздохом остановил ее.

– Ну погоди, ну потом, успеешь еще, Бельчонок. Я тебе обещаю. Я же тебя никогда не обманывал. Еще заплатить надо. И собраться. Давай домой за паспортом. Вот тебе денежка – крем надо купить от солнца... шляпу... давай.

Девушка развернулась и рванула из квартиры. Михаил сел в кресло, достал из сумки квадратик бумаги, ручку и стал записывать – что еще надо сделать, что купить. Минут через пятнадцать в квартиру ворвалась Белка с паспортом в руке, в три прыжка оказалась у кресла и опустилась на колени, тяжело дыша.

– Мишка.
– Да.
– А мама сказала, что в самолетах террористы бывают всякие.
– Ну... бывают.
– Я боюсь.
– Что в плен заберут?
– Не, ну плен... ты меня вызволишь. А если они нас совсем убьют.
– Да я их первый ушпокаю нараз.
– Мишка.
– Что.
– А ты не можешь сначала меня первую ушпокать – прям сейчас.

Девушка засунула руки ему под футболку, вонзила в грудь свои когти и грызнула за ширинку.

– Ооох... ну Белка... и откуда ты такая взялась на мою голову.
– Какая?
– Буйнючая.
– Тебе не нравится?
– Ну нравится. Но я никак не могу привыкнуть.
– К чему.
– К тому, что ты моя. И что завтра опять будешь моя. Я все время боюсь...
– Меня?

– Нет. Я боюсь, что вот проснулся я... как в «Дне сурка»: опять прыщ на лбу, я – Мишка Дуридомов, ты – Бэла Бурлакова, мы иногда встречаемся у подъезда, говорим друг другу привет... А потом ты уходишь в свою больницу.

– Мишка.

– Что.

– Теперь тут моя больница. Я старшая медсестра. Очень строгая. Снимай штаны – будем делать процедуры.

Михаил подтянул девушку повыше, поймал ее губы своими, приник к ним, ощутил ответное движение, но не поддался искушению, оторвал Белку от себя и вскочил с кресла.

– Все! Не успею заплатить, а ты – шляпу купить. Завтра уезжаем!

Вечером Михаил остановился у своего подъезда, присел на скамейку, закурил и достал из сумки папку турагентства: ваучеры, билеты, страховки, памятки – все было на месте. В сумке лежали блок сигарет, запасная зажигалка, новые очки Ray Ban, швейцарский раскладной нож и три шоколадки «Корона». Он достал смартфон, хотел зайти ВК, потом плюнул и пошел домой.

Дома он еще в холле услышал какое-то шуршание, прошел сразу в комнату и остолбенел. По всему полу были разбросаны пакеты, коробки и коробочки, тюбики с кремом и зубной пастой. Посередине комнаты стоял открытый красный чемодан, в нем сидела Белка, откинувшись назад и опираясь на локти. На ней была шляпа, темные очки и маечка с пальмами, задранная до пупа. Больше ничего не было. Ноги были раздвинуты на ширину чемодана.

– Белка!

– Дааа, дорогой, – томным голосом ответила девушка.

– Ты что – сдурела совсем?!

– Нууу... у меня... чемоданное настроение.

– Ну па..., – он дернул ремень на джинсах, – га..., – сдвинул zipper, – ...ди!

Михаил подскочил к чемодану, опустился на колени, взял девушку за икры и потянул на себя и вверх – ноги упали ему на плечи, шляпа сдвинулась вперед, Белка успела только ойкнуть.

– Бу... дут... те... бе... тер... ро... рис... ты!

– Ой Ми... иш... ка... род... нень... кий... по... жа... лей... бед... нуууюу... де... воч... ку... ууу!

– Щас! – он сбросил с себя ноги и перевернул девушку лицом вниз, бедра поднял вверх, отбросил шляпу и прикрыл крышку чемодана.

– Как... те... бе... та... кие... про... це... ду... ры... Те... перь... я... док... тор... а ты... ми... сис... тра, – он звонко шлепнул ее по попке и открыл крышку – Белка дернулась вперед, но он удержал ее за бедра, двинул еще несколько раз, пока она не разогнула ноги, упала на живот и не закрутила педали, потом вырвалась и скрутилась внутри чемодана, зажав руки между ног.

Они лежали на диване совсем обессиленные, уже успокоившиеся, но еще мокрые.

– Мишка.

– Да.

– Я и не знала, что ты такой доктор.

– Какой.

– Ортопед.

– Это еще что за хрен такой.

– Это когда в тебе все сжимается, ты вся такая... скованная... что ходить не можешь. А он... берет тебя в свои руки... всю тебя чувствует... и вертит, и крутит...

– И что.

– И ты расслабляешься. И можешь двигаться. Ходить. И прыгать! – девушка внезапно вскочила, оседлала Михаила и стала прыгать у него на животе.

– Бе... бе... бел... ка! Сле... слезь... с меня!

– Ага! Так ты не хочешь!

- Хах... хоххх... чу!
- А вот мы щас проверим!

Боинг добежал до конца взлетно-посадочной полосы Шереметьево и резко взмыл вверх. Белка сидела в кресле с крепко зажмуренными глазами, откинув голову и вцепившись руками в подлокотники, Михаил гладил ее запястье.

- Уже?
- Да. Открывай глаза.
- Все в низ живота ухнуло.
- Сдвинь ноги.
- Уши заложило.
- Глотни.
- Что глотнуть?
- Просто глотни. Горлом.
- Аааа... а я подумала...
- Да погоди ты думать. На, конфету посмокчи – пройдет.
- «Мишка северный»?
- Почему северный?
- Так объявили – за бортом минус сорок.
- А ты теплая.
- Фуххх... попустило.
- Ну вот, а ты боялась.
- А долго еще?
- Ну ты что – мы же только вылетели. Сейчас будем пить и есть, потом спать.
- А мы ж ничего с собой не взяли.
- Да все тут есть. Ты просто представь, что мы дома, лежим на диване...
- Ага, на диване. Так ты сейчас приставать ко мне начнешь – при всех.
- Ну не, сейчас не начну.
- Так ты уже не хочешь? – прошептала девушка ему в ухо.
- Белка, ну тебе как будто перчинку в задницу кто засунул.
- Не знаю, Мишка. Ты как сказал про остров, я сразу представила Голубую лагуну...
- И хорошо.
- Да. Мне до сих пор хорошо. Везде. Ты меня так классно полечил. А где наш чемодан?
- В багажном отсеке. Ты что, опять в чемодане хочешь?
- Не знаю, Мишка. Я не знаю, чего я хочу. Я просто хочу. Все время. Это ты виноват. Я раньше такой не была.
- Ты перчинку-то вынь, а. Самолет все же.
- Так это ты мне ее и вставил. Ты какой-то другой стал, Мишка. Раньше был Дуридом – дуридомский. И за что я тебя полюбила.
- А сейчас?
- А сейчас ты все время меня удивляешь, я все время от тебя чего-то жду... Я сначала пугаюсь... как вчера, когда ты закрыл крышку.
- А потом?
- А потом ты открыл... и я как из клетки выпорхнула. Чуть не улетела. Хорошо, что ты меня удержал. Мне еще так никогда не было. Будто ты меня прямо на лету...
- Ты моя птица райская.
- Почему райская?
- Красивая. Трепетная. Нежная. Буйная. С хвостиком. Где еще таким жить.

- Ты правда так думаешь, Мишка?
- Конечно. Разве я тебя когда-нибудь обманывал.
- Нет.
- Ну вот. Будешь теперь птица – на райском острове.
- Ты знаешь что, Мишка.
- Что.
- Мне с тобой и дома как в раю.
- Так разворачиваем самолет?
- Нееет! Я в море хочу прыгнуть.
- Ладно. Тогда летим дальше.

По проходу двигалась стюардесса, толкая перед собой тележку с напитками.

- Желаете аперитив перед ужином?
- Мишка, а это что?
- Ну, винчик всякий. Хочешь?
- А шампанское есть?
- Конечно.
- Мне тогда шампанского, икры, банан и шоколадку.
- Девушка, ужин будет через пятнадцать минут.
- Шампанское два раза.
- За золотую рыбку!
- За райскую птицу.
- Ой, пузырьки через нос вышли! А можно еще?
- Пожалуйста.
- Мишка.
- Да.
- А мы с тобой еще никогда шампанское не пили.
- Все когда-нибудь бывает в первый раз.
- Вкусное!!! Дай, я тебя поцелую.

Михаил приготовился чмокнуть девушку, был пойман за шею и ощутил движение ее языка у себя во рту и бунт в джинсах.

- Бееелка! Ужин пропустим.

За ужином все вызывало восхищение Белки: откидной столик и коробочки с едой, упакованные приборы и пакетики с солью и перцем. Она деловито все разложила, развернула масло, намазала булочку, понюхала кекс.

- Мишка, а что это за красные горошинки в корзинке?
- Ну ты ж заказывала икру. Забирай и мою.
- А банана нет.

– Соскучилась? Будут тебе бананы. Еще часов шесть, и у тебя будут бананы прямо на пальме.

- На пaaальме? А как я их достану?
- Я тебе достану – сколько захочешь.
- Я захочу много!
- Будет тебе много. В прошлый раз тебе было мало?
- Ну ты, Мишка, еще всему самолету расскажи, что ты со мной делал.
- Ну тебе же понравилось.
- Ну понравилось. Так это же сииик-рет! Ты же никому не говорил?
- Дааа, буду я делиться богатством – лучше сам буду тайно владеть.
- Это ты про какое богатство?

– Про тебя.
– Правда?
– Ну конечно.
– Слушай, Мишка, а где мы будем спать?
– Да здесь и будем – кресла раскладываются.
– Прямо при всех?! Нууу... это неудобно как-то... Ты, конечно, ко многому меня приучил... но ты же знаешь... что я могу утворить.

– Да я знаю... ты уж потерпи немного.

Подошла стюардесса.

– Желаете пледы на ночь?

– Дааа. Мы желаем! – светским тоном сообщила Белка.

– Два?

– Нееет, мы под одним спим.

Михаил дернул девушку за руку и сделал страшные глаза.

– Два, пожалуйста.

– Держите. В карманчике на спинке кресла вы можете найти маску для глаз.

– Маску? А наруч... ээ нааа... надо ее возвращать?

– Нет. Они одноразовые.

– Вот спасибо.

– Приятных снов.

Белка быстро достала черную маску, повертела, натянула на голову и откинулась на спинку кресла, вытянув ноги.

– Мишка.

– Да.

– Я прям... вся... я так себя чувствую...

– Как.

– Как Анжелика... перед султаном...

– Слушай, Анжелика. В гареме сегодня профилактика. Укрывайся и спи.

Белка подняла маску на лоб.

– Вот ты какой, Мишка, все-таки. Давай я тебя укрою.

Она закутала его в плед, подоткнула со всех сторон, долго толклась коленями по его бедрам, случайно попадая в интересное место, падала на воздушных ямах грудью ему в лицо, в конце концов чмокнула его в нос и утомилась. Михаил стал набирать ноздрями воздух, выпуская его через рот, надувая живот, представляя море и повторяя свою старую мантру: «Ты просто пальма на пиратском острове – и все у тебя хорошо».

Ветерок дул с моря, Михаил лежал на кушетке под шелковым навесом, рядом сидела Анжелика в прозрачных шароварах, рыжие волосы ее были забраны в хвост.

– Чем я могу ублажить тебя, мой султан, мой светлейший?

– Ты знаешь, Энджи, что-то сегодня я устал: парад янычаров, заседание совета, визирю пришлось голову отрубить. Давай так... по-быстренькому.

– Слушаю и повинуюсь, мой повелитель.

Михаил закрыл глаза, было темно, спокойно, прохладно, только в паху ритмично пульсировал жаркий гейзер.

– Вот, умничка, хорошо, продолжай... ай! Да не зубами, блин! Мягче... вот... крепче! Вот! Вооот...

Михаил резко поднял маску и посмотрел вниз: плед внизу шевелился, – он его сдвинул к коленям и увидел физиономию Белки.

– Ну как? – шепотом спросила она.

Он потянул ее вверх и усадил к себе на колени, обнял и стал тихонько покачивать, целуя в шею.

– Ты знаешь, что тебя таможня не пропустит?

– Почему это?!

– Потому что ты просто бомба какая-то.

– Так тебе понравилось?

– Я уснул, и мне приснилось, что я султан, а Анжелика... мне...

– Так ты мне во сне изменял, подлец!

– Вот ты глупышка моя родная.

– Чего это?

– Так это ты и была – Анжелика.

– Ааа... так бы сразу и сказал.

– Так я и говорю – садись теперь ты.

– Ну, Мишка, я не могу.

– Не хочешь?

– Дуридом ты стоеросовый!

– А что тогда?

– Да я так хочу, что взорвусь просто... как бомба.

– Ну... пошли пройдемся.

– Далеко?

– Нет. В кабину уединения.

– Ты что! Я еще ни разу...

– Да ничего. Там стерильно – операции можно делать.

– А ты будешь доктор?

– Нет. Я буду пилот.

– А я стюардесса?!

– Ну а кто еще.

– Класс! Я в детстве мечтала...

– Все ясно с тобой – ты еще с детства... развратница.

– Палучишь ты у меня! И не посмотрю, что ты султан.

– Сковородкой?

– Та не – ты еще умрешь, а я что буду делать одна. На острове.

– Ну... пираты приедут.

– И из кустов выпрыгнут? На бедную девочку?

– И привяжут ее к пальме. И будут мучить. За разные места.

– За какие?

– А ты за какие хочешь.

– Нууу...

– За это?

– Ну Мишка!

– Или за это?

– Ну перестань!

– Ладно. Тогда я спать.

– Я тебе щас дам – спать!

– Тогда пошли?

– Пошли.

Они стояли под крышей аэропорта Абу-Даби уже минут десять, не двигаясь: космический дизайн здания, зелень, буйство красок набросились на них так, что Белка забыла закрыть рот.

– Мишка, – сказала она, наконец, сглотнув.

– А?

– Это уже остров?

– С чего ты взяла?

– У них тут все в пальмах.

– Ну в пальмах. Аравия. Тысяча и одна ночь.

Полтора часа до нужного рейса Михаил таскался за Белкой по магазинчикам, вздыхал, но молчал.

– Ой, Миш, смотри какие бусики!

Фраза «папуасы примут тебя за свою» застревала у него в горле, когда он видел восторг в глазах девушки, и он покупал ей бусики, браслеты, клипсы, зеркальца и прочую дребедень, понимая, что все это сделано для туземцев из Мухосранска, – но кто измерит количество счастья от двадцати четырех каратов Картье и этих «сокровищ» Али-Бабы, кто скажет, что лучше.

Счастье в больших дозах утомляет, и, загрузившись в новый Боинг, который оказался вдвое меньше, они уселись на креслах у запасного выхода, распихали пакунки и вытянули ноги.

– А мы опять будем шампанское пить?

– Нет, Бельчонок, осталось часа два лететь. Давай отдохнем. Закрывай глаза. Поспи.

– Просто поспать?

– Просто поспи.

– А ты к стюардессам рванешь.

– Ну что ты, моя хорошая.

– А что ты будешь делать?

– Я буду тебя охранять.

– Правда?

– Разве я тебя когда обманывал?

– Нет.

– Ну вот.

Сраженная железной логикой девушка успокоилась, закрыла глаза и ровно задышала. Михаил достал смартфон, воткнул наушники, подумал, что послушать – буйного ничего не хотелось – он выбрал новый Pink Floyd и тоже прикрыл веки. *Какая... прекрасная музыка... как хорошо... спокойно...*

Разбудил его хлопок слева – он открыл глаза и через спящую Белку глянул в иллюминатор: из мотора рвался дым попеременно с искрами. Самолет загудел по-другому, стал заваливаться на левый бок и снижаться. Михаил на автомате пошарил рукой под сиденьем, вытащил спасательный жилет и стал надевать его на девушку, та сонно отбивалась.

– Ну я не хочу...

– Давай, Бельчонок, давай, маленькая, надевай быстрее.

– Ну я не люблю оранжевое...

Он умудрился застегнуть на ней жилет, так и не разбудив полностью, надел свой и перекинул через плечо ремень своей сумки. Самолет плавно снижался, внизу был океан, уже можно было разглядеть волны. По проходу в хвост простучала каблучками стюардесса. Михаил выдернул наушники и зачем-то проверил сообщения – новых не было. Он поднял глаза и посмотрел на дверь кабины пилота – она была приоткрыта. Внезапно перед ней возник человек в длинном белом одеянии и чалме, в левой руке у него была какая-то продолговатая дрянь с проводами – он поднял ее над головой и загалдел по-арабски. Белка открыла глаза.

– Миш, а че это у него на голове полотенце. У них тут и баня есть?

Араб закончил свой галдеж аллах-акбаром и потянулся правой рукой к устройству. Михаил схватил телефон за угол и метнул вперед, тот просвистел как бумеранг и врубился краем арабу в лоб – последователь пророка Магомета рухнул в кабину пилота, – самолет нырнул влево и вниз. Белку вынесло из кресла и бросило на запасной люк, она схватилась руками за ручку. Из кабины пилота было слышно вперемешку fuck you с аллах-акбаром, самолет дернулся вправо, и Михаил как при замедленной съемке увидел, как ручка запасного выхода под тяжестью девушки опускается, люк выпадает вниз и Белку выносит поток воздуха. Эх, мать... Он прыгнул к люку, ухватился руками за края, оттолкнулся и нырнул головой вниз.

Михаил пошевелил губами – песок скрипел на зубах, открыл глаза и увидел тот же песок: он лежал на животе. Попробовал – голова поворачивается: это был пляж. Подтянул руки, оперся на них и приподнялся. А *Белка*?! Справа над морем склонилась пальма. Слева метрах в десяти от него на спине лежала девушка в оранжевом спасательном жилете: руки и ноги ее были широко раскинуты, она не шевелилась. Михаил поднялся на четвереньки и пополз к ней. Он приложил ухо к груди и стал вслушиваться, но слышал только шум прибоя. Тогда он приподнялся и стал резкими толчками давить ладонями на грудь девушки, вспомнив по фильмам про массаж сердца.

– Мишка... ну мы только приехали... а ты меня уже щупаешь...

Он повалился на правый бок рядом с девушкой и стал левой рукой убирать песчинки и мокрые пряди с ее лица.

– Белка.

– А?

– Ну мы с тобой приехали. По полной программе.

– На остров?

– На остров.

– А бананы где?

– На пальме, где ж им быть.

– Я голодная.

– Шоколадку хочешь?

– Издеваешься над бедной девочкой.

Михаил открыл свою сумку, порылся и достал шоколадку «Корона».

– Мишка.

– Да.

– Какой ты у меня хороший.

– А ты у меня какая дурында.

– Почему это.

– Хватаешься за что попало... руками.

– За что это?

– За то.

– Неее, я за то больше не буду хвататься.

– Да уж я надеюсь.

– Я лучше за это буду хвататься.

– Белка.

– Дааа?

– Раздевайся.

– Ужее?!?

- Пойдем в море. Раз уж мы на острове.
- В Голубой лагуне?
- Да.
- Пойдем!

Бухта полумесяцем раскинулась перед ними: белая пена прибоя растворялась и переходила в волнующуюся аквамариную зелень, которая превращалась в голубизну и заканчивалась густым сапфиром; вода была кристально-прозрачной, было в ней что-то притягивающее, манящее, обещающее негу и ласку. Дальше было небо, пронзительно-синее, с вереницей облаков на горизонте.

Они бросились в воду, ныряли, плавали, наслаждаясь ощущением мягкой воды на коже, легкостью движения, светом над головой; всю усталость забрало море, дало новые силы, волны подталкивали их друг к другу, прикосновения в воде были совсем другими, волновали по-новому. На губах была соль, соль была везде, вкус любви был другой; они пробовали друг друга, узнавали заново, это наполняло их чистой, ничем не замутненной радостью. Все тревоги и страхи были смыты живой влагой моря – оно дало им новый дом, который не хотелось покидать, обещало им новую жизнь, которой они раньше не знали.

Они вынырнули невдалеке друг от друга почти одновременно.

- Мишка!
- Оу!
- А догони меня!
- Золотую рыбку?
- Ага.
- А желание?
- Да ты не догонишь!

Не дожидаясь ответа, Белка поплыла к берегу, надеясь на свои длиннющие ноги. Михаил засек курс, опустил голову в воду и мощным кролем двинулся за ней – до берега было метров пятьдесят. Девушка плыла судорожно, неровно, оглядываясь, собираясь первой добраться до песка и убежать в зеленую чащу. Недалеко от берега Михаил увидел в воде мелькающие белые пятки и поймал правую, стал на песок, перевернул Белку на спину – она молотила руками по воде, брызгая ему в лицо, пыталась вырваться, но не очень сильно, подчинялась его рукам, которые неуклонно подтягивали яхту к причалу, заводили в док и, наконец, пришвартовали у него на бедрах, насадив на волнолом. Девушка держалась за него ногами, откинувшись на спину, руками поддерживая равновесие и ритм движения; волосы ее расплылись короной вокруг головы, соски стреляли в небо.

- погоди, рыбка, не спеши.
- Мишка.
- А?
- А ты какое желание задумал?
- Ну... задумал.
- Скажи честно – ты хотел меня накормить?
- Я хочу, чтобы ты всегда была моей.
- Правда?!
- Да.

Белка отпустила ноги, перевернулась, подплыла к нему и крепко обхватила руками за шею, обвив ногами его ноги. Он обнял ее за спину.

- Мишка.
- Что.
- Ты меня любишь?

- Ну конечно. Я же говорил.
- Скажи еще.
- Я люблю тебя. Люблю Белкой. Люблю лошадкой. Кошкой. Птицей. И рыбкой.
- Мишка.
- Да.
- Сделай, что ты дома хотел.
- Что.
- Ну не спрашивай! А то передумаю.

Михаил опустил правую руку по спине девушки вниз и добрался до запретного места, – она сжалась и поднялась на бедрах, потом опустилась.

- Ну давай. Потихоньку. Чуть-чуть.

Михаил закрыл рот девушки своими губами, прижал ее к себе левой рукой, а правой опять дотронулся. Она дернулась, но совсем немного. Белка крепко держала его за шею, бедра ее охватывали его талию, волны ритмично поднимали ее и опускали. Михаил левую руку положил ей на живот и опустил вниз – теперь он трогал ее спереди и сзади и был у нее внутри.

- Ух и стыдно как!
 - Но приятно?
 - Не спрашивай! А то еще стыднее!
- Михаил убрал руки.
- Ну слезай. Иди поплавай. А то еще умрешь от стыда.
 - Ну Мишка! Ну ты что! Ну давай!
 - Так тебе понравилось?
 - Ну ты, подлец, сам же знаешь!
 - А ты скажи.
 - Ну понравилось! А от того что стыдно – еще больше нравится.
 - Везде нравится? И там?
 - Ну скотина ты! Везде! Давай!
 - Давай, рыбка, ложись на животик и плыви.
 - А ты что будешь делать.
 - А я буду делать.
 - Куда.
 - Туда.
 - Ну я боюсь.
 - Я понемножку. Если не понравится – я тебя отпущу.
 - Правда?
 - Ну я тебя когда обманывал?
 - Нет.
 - Ну плыви.

Белка опустила руки и упала спиной на воду, перевернулась и оглянулась назад. Михаил поймал ее за лодыжки, подтянул к себе и развел ноги.

- Это вторая серия, Белка.

– Ааах! – девушка гребла руками по-собачьи, фонтаном выпуская попадавшую в рот воду. Михаил перевел правую руку под ее живот и ниже, а левой достал до груди – двигаться ему почти не нужно было – море двигало их обоих, в нужном ритме, трогая во всех местах сразу, подталкивая к берегу. Белка достала руками до дна, опустилась на локти, Михаил уперся коленями в песок, вернул руки на бедра девушки, потянул ее на себя, почувствовал, как волна откатывается с берега назад, уходит, обнажая все их тайны, потом с новой силой бьет ему в спину, – он упал, накрыв собой девушку, впечатав ее в мокрый песок, скатился с нее на бок

и отпустил, оставшись лежать на спине в пене прибоя. Белка тоже перевернулась на спину, потом на правый бок, и обняла его рукой за шею, забросив на него левую ногу.

- Мишка.
- Оу.
- Ну что ты со мной сделал, противный ты пиратище.
- Ну сделал немножко.
- Опять надругался над бедной девочкой. Во всех местах.
- Но местам же было приятно.
- Не говори так!
- Почему.
- Ну это же неприлично, Мишка.
- Так тут же нет никого. Перед кем тебе стесняться, если тебе было приятно.
- Правда. А перед собой?
- Тебе что – мама не велела так делать?
- Ну палучишь ты у меня щас.
- Зато ты теперь навсегда моя.
- Почему это.
- Ну как ты теперь уйдешь, если я про тебя такое знаю.
- А я и не собиралась.
- Будешь меня холить и лелеять.
- Да нужен ты мне триста лет – я только холку и лелейку буду любить.
- А кто тебя кормить будет.
- Ох и есть хочется!
- Хочешь бананов?
- Ужасно хочу!
- Туда?
- И где моя сковородка.
- Ну признайся.
- Никада!
- Ладно. Давай мы тебя привяжем к пальме, и я пойду за бананами.
- Зачем это еще меня привязывать.
- Ну пираты всегда так делают. Ты забыла?
- Да. Точно.
- Так ты согласна?
- Мишка.
- Да.
- Какое волшебное море.
- Так тебе тут нравится?
- Умереть не жить.
- И ты согласна тут жить?
- Знаешь что, Мишка.
- Что.
- Я на все согласна. Делай со мной что захочешь. Только накорми меня. Пока я не умерла с голоду.

- Ну идем к пальме.
- Идем, мой любимый пиратище.

Будильник играл свою бодренькую мелодию, пока Белка не ткнула в него пальцем.

– Мишка...

- У?
- Знаешь, что мне приснилось?
- Что.
- Что мы с тобой были в Голубой лагуне.
- И как там было.
- Обалденно было. Полжизни.
- А что там было обалденно.
- Ну... мы с тобой плавали... голышом.
- Только плавали?
- Не, ну не только...
- Как в кино?
- Да. Во второй серии.
- Так я тебя привязал?
- Ну Мишка!
- Нет?
- Ну ты такое со мной вытворял, что до сих пор стыдно.
- Но ты согласилась.
- Да. Сама не знаю, почему.
- Может, ты этого и хотела?
- Я даже себе не могу в этом признаться.
- А сон тебе понравился?
- Да!
- Ну и не признавайся.
- И не дождешься!
- А чем там все кончилось?
- Ты пошел ловить рыбу. А я смотрела на море...
- И что.
- А там появился парус...
- А ты зажгла сигнальный костер?
- Нет.
- А корабль?
- Он уплыл.
- Так что ж ты... не зажгла.
- Ну что-что. Какой ты у меня Дуридом все-таки.
- Какой.
- Любимый.
- Так ты меня любишь?
- Да.
- Так что ж ты молчала! А ну ложись на живот!
- Ага! А ты опять надругаешься!
- Конечно. А ты разве не хочешь?
- Ну хочу, Мишутка. Только ты никому не говори.
- Ладно. Разве я тебя когда обманывал?
- Нет.
- Ну вот. Давай.
- Ну... давай.

Клеопатра в Шаркс Бэй

Михаил открыл глаза и посмотрел в просвет между шторами: уже рассвело. Он тихо встал и на цыпочках прошел в душ. Через пятнадцать минут, уже в шортах, майке и темных очках, он шлепал по дорожке, спускавшейся вниз. Дорожка повернула влево, потом вправо и врезалась в каньон из стен, обложенных камнем. Следующий поворот открыл просвет, и Михаил увидел море: оно блестело как зеркало – был полный штиль. Небо было покрыто перистыми облаками, горизонт затянут дымкой, из которой поднималась каменная пирамида острова, из-за нее выглядывало солнце. На пляже никого еще не было, ряды пустующих лежаков под тростниковыми зонтиками подмигивали ему блестящей от росы поверхностью, справа в море вдавался понтон. Непонятно откуда лилась заунывная песня муэдзина.

Оставив одежду и очки на лежаке, Михаил босиком прошел к понтону. Первые метров тридцать море, подсвечиваемое песчаным дном, было золотистое, потом дно ушло вниз, цвет воды сменился на зеленовато-аквамариновый с пятнами бирюзы. Он остановился у края понтона: прозрачная синь позволяла видеть дно с разноцветными кустами кораллов, меж ними неспешно сновали десятки рыб.

Прямо в понтон врезалась сверкающая дорожка, проложенная солнцем, он прыгнул в нее, вынырнул и поплыл вперед. Густая соленая вода омывала кожу, гладила ее, ласкала, выталкивала его тело наверх, к солнцу. Голова у него была пустая: только вкус и прикосновения воды, только свет и цвет моря; он развернулся и посмотрел на берег: пустой пляж, пальмы на террасах и первая линия корпусов отеля. Михаил лег на спину, раскинул руки и замер – первое, самое важное, свидание состоялось, никто не помешал, все было хорошо; он старался запомнить чувство радости, наполнившее его, спрятать и забрать с собой.

На берегу он достал сигарету – после моря ему всегда хотелось курить, присел на край лежака и посмотрел на горизонт: дымка разошлась, задул легкий ветерок, волны шепотом стали читать его гороскоп: будет тепло, мягко, нежно, приятно. Михаил оделся и пошел обратно в номер.

Черт, а какой же у меня номер... Ноги привели его сами, на газоне недалеко от входа он увидел араба в зеленом комбинезоне с садовыми ножницами в руках. Михаил подошел, достал из заднего кармана доллар и помахал им в воздухе.

– I need flowers.

Араб потянулся рукой к купюре, с сожалением проследил, как она уплыла обратно в карман, забормотал что-то по-своему и побежал к клумбе. Вернулся он минут через пять с охапкой фиолетовых, красных и желтых цветов, получил обещанное, заулыбался и опять забубнил, – Михаил сказал ему сенкс, забрал цветы и вошел в номер.

Шторы были так же почти закрыты, солнце заходило в комнату через просвет и освещало широкую кровать: на ней, обняв подушку, спиной к нему, лежала обнаженная девушка – правая нога ее была согнута в колене и заброшена на одеяло, темно-рыжие волосы искрились под лучом света. Михаил подошел к кровати, положил цветы на край и прильнул к девушке, обнял ее за плечи, сдвинул волосы и поцеловал ее в шею – она повернулась к нему, но глаз не открыла. Губы ее шевелились, Михаил поймал своими верхнюю, ощутил легкий пушок, вспомнил персик и почувствовал на своей нижней губе язык.

– Мииишка! Да ты соленый как... А мне больница снилась: будто у меня день рождения, все пришли меня поздравлять... коробки принесли какие-то, шарики воздушные, лезут обниматься-целоваться, главврач говорит про исполнение желаний... А тебя нет... А я хочу, чтобы ты пришёл и принёс просто цветы.

Михаил потянулся рукой к углу кровати и положил букет девушке на грудь.

– С днем рождения, Бельчонок.

Белка открыла глаза.

– Так у меня ж правда день рождения! А больница?

– Больница была дома. А сегодня море. Мы прилетели ночью. Проснулась?

– Так мы уже на море, а я сплю! Какие цветы! Какой ты у меня хороший! Спасибо!

– Вставай, маленькая. Пошли в душ.

– Вместе?

– Ну конечно.

– Пошли! А ты будешь ко мне приставать?

– Да ты что! Никада!

– Как это?! Ты заболел? А ну раздевайся – щас будет медосмотр.

– Совсем раздеваться? И трусы?

– Конечно!

– Не. Я стесняюсь.

– Ничего, тебе это полезно, не все же мне одной. Давай! Оооо, что это с Вами, Михаил...

ну-ка... ну-ка... Боже, что это с ним!

– Ну Белка... ну не таскай его.

– Тебе не нравится?!

– Да нравится. Но ты же знаешь, что он может утворить.

– Ну и пусть... я ему разрешаю... он хороший... давай уже... твори... сюда... на цветы.

– Ууух... и бесстыжая ты у меня медсестра.

– Зато теперь у меня какой букет! Никогда такого не было! А пахнет как! Морем!

– Ну вот. А ты? Ты специально это сделала.

– Ну да. А теперь ты сделай.

– Ладно. В душе.

– Я буду вся мокрая.

– Будешь. Ты у меня здесь все время будешь мокрая. Я тебе обещаю. Пошли.

– Ну пошли.

Они сидели на террасе ресторана: перед ними искрился бассейн неправильной формы, слева в него вдавался полуостровом бар, в центре был небольшой островок с тремя пальмами – к нему от бара шел мостик.

– Мишка, ешь давай. Я всегда после этого голодная. Я тебе столько всего принесла, а ты кофе сербаешь. Что ж мы – зря деньги платили.

– Не волнуйся – все оллинлюзив.

– А что это – оллинклюзив?

– Это значит, ешь, сколько хочешь, хоть пять раз в день.

– А я и хочу. Пять раз в день.

– Голодной ты тут не будешь. Я тебе обещаю.

– Ну смотри, Мишка, ты меня знаешь.

– Я тебя знаю. Раз уже было – осталось четыре.

– Ну вот, тебе лишь бы считать. Ты сам пристал. С утра. Бедная девочка спит, а ты...

– А я говорю: вставай – одевайся.

– Ну не ври – одевайся. Ты не так сказал.

– Ну сказал. А ты бы не согласилась.

– Ну конечно – не согласилась. А с утра знаешь, как хочется.

– А сейчас.

– Сейчас есть хочется.

– Ну и ешь – бананов вон нагребла целую тарелку.

– А вкусные! Со сливками!

- Ты как кошка – тебя хлебом не корми...
- Нет, Мишка. Хлебом ты меня не корми.
- А чем.
- Сливками.
- Ладно. За этим не заржавеет.
- Ешь грейпфрут. Мне девчонки знаешь, что говорили.
- Что.
- Что если ты будешь целый день есть фрукты...
- То что.
- Вкус передается.
- Так ты хочешь фруктовый коктейль?
- Ну да. Интересно попробовать.
- Попробуешь. Вечером.
- Ладно.

После завтрака они двинулись вдоль бассейна, который закончился небольшим водопадом и потек дальше вниз речушкой в выложенном камнями русле.

- Мишка! Красиво как! Пальмы, цветы. А море скоро?
- А вот сейчас мы повернем... теперь сюда...
- Ой, море! Пошли скорей!

Пляж наполовину уже был заполнен, но хорошие места еще были; они устроились под зонтиком, постелили на лежаки полотенца. Белка взялась руками за края малинового топики, потянула его вверх, потом расстегнула пуговицу на коротких джинсовых шортиках с бахромой и, повивая бедрами, опустила их вниз. Под ними осталась малиновая же горизонтальная полоска с крошечным треугольником, переходящим в вертикальную. На бедрах были бантики.

- Белка! У тебя от плавков одно название. Я даже подумал, что ты их забыла надеть.
- Ну тут все так ходят, посмотри.
- Да, но не у всех есть такая попка. Голая. Похожая на две булочки. С малиной. Девушка прикрыла булочки ладошками.
- Ну что ты на весь пляж кричишь.
- Михаил, успевший уже раздеться, обнял девушку за плечи.
- Пошли в море, Бельчонок голопопый.
- Пошли.

Они шли по понтону, глядя в воду; облака разбежались, дул ветерок, по морю шли небольшие волны.

- Мишка, смотри какие рыбы! Синие, желтые, полосатые! И не боятся никого. Ой, глянь, какая длинная! И прозрачная. Похожа на...
- Это рыба-игла.
- А если она... ко мне...
- А ты не расставляй ноги. Знаешь, почему у русалок ног нет?
- Почему?
- Их царь морской наказал. Чтоб не расставляли почем зря.
- Ну Мииишка!
- Прыгай!

Михаил обхватил девушку за талию и прыгнул с понтона. В воде он открыл глаза и увидел длинные ноги Белки, поймал ее за бедро, провел по нему ладонью, поднял ее вверх по внутренней стороне. Белка брыкнула ногами, изогнулась назад и оторвалась от него, развернулась, поймала его за руки и вынырнула вместе с ним.

– Как хорошо! Какая вода нежная! И теплая. И соленая. Совсем прозрачная. Она меня будто гладит.

Они болтали ногами и держались за руки, гладили друг друга ладонями; прикосновения в соленой воде были мягкими и приносили наслаждения вдвое больше. Они трогали друг друга будто в первый раз – они стали другими, новыми и спешили узнать эти новые ощущения, представляя, что их ждет еще.

– Мишка.

– Да.

– Это какая-то волшебная вода. Я опять хочу.

– Живая. И я.

– О. Да ты не врешь.

– Это когда я тебе врал.

– И что мы будем делать.

– Тут никак нельзя – все видно.

– Вот всегда ты так. Только бедная девочка захочет...

– Ну если бедная девочка будет каждые два часа хотеть – это будет не пять, а двенадцать.

– Опять считаешь! Какой ты подлец все-таки.

– Какой.

– Любимый.

– Вот брихуха. Чего ж ты под водой убежала.

– Глупый ты какой у меня. Я и буду от тебя убегать – чтоб ты меня догнал. Бедную девочку. Страшный пиратище.

– Так ты может по плену соскучилась.

– Я по тебе уже соскучилась.

– А что мне с ним теперь делать.

– Что ж с ним делать – скажи, чтоб подождал.

– Ну вылазь первая. Я поплаваю еще, попробую его уговорить.

– Ладно.

Минут через десять Михаил подошел к зонтику, Белка лежала на животе, подняв руки вверх, подставив всю себя солнцу; он достал сигарету и отвернулся, чтобы не началось опять, закурил и улегся на спину. На пляже был свой бар, от него доносилась музыка. *Спасибо не русская попса*. Он смотрел на море: от его утренней девственности не осталось и следа – катера сновали туда-сюда, из-за правого мыса появилась двухмачтовая парусная шхуна, стилизованная под старину, с квадратными люками для пушек. На мостике у круглого руля стоял капитан в треуголке и тельняшке в крупную полоску. На палубе видны были пассажиры в купальниках, с левого борта над водой нависла рея, с нее свисал канат, на котором над самой водой парил смуглый парень.

– Смотри, Белка.

– Ух ты! Пираты!

– Хочешь к ним?

– Да у меня и свой есть – не знаю, куда от него бедной девочке деться.

– А она хочет куда-нибудь деться?

– Бестолковые какие-то пираты пошли. Она только делает вид. Что это за пленница, если она не хочет убежать.

– Белка.

– А?

– А давно ты не была пленницей.

– Так что ж ты меня – к зонтику привяжешь. Это же не Голубая лагуна. Люди кругом.

– Ну и люди.

– Так они ж смотреть будут.
– Пусть смотрят. И завидуют.
– Ну стыдно, Мишка.
– Голой попкой ей не стыдно светить.
– Тебе не нравится?
– Да нравится. Прижаться хочется. Легонько так.
– Ага, знаю я твое легонько.
– Чуть-чуть. Соглашайся.
– Я соглашусь, а ты потом до обеда надутый ходить будешь.
– Да. Нет в жизни счастья.
– Ну как нет, Мишутка. Утром было. Разве нет? Твое счастье до сих пор еще в номере на цветах.

– Так то давно. Про счастье всегда говорят, что оно было, а не есть.
– Я и сейчас счастливая. Даже не знаю, чего бы мне еще хотелось. Ой, смотри, парашют!

Классно как!

– Хочешь полетать, Бельчонок?
– Страшно! Я боюсь. А вдруг меня ветер унесет.
– Я тебя не отдам никакому ветру. Полетаем?
– А можно вдвоем разве?
– Можно. Пошли. Посмотрим на акул сверху.
– Так тут и акулы есть?!!!
– Да нет. Это просто название – Shark's Bay – Акуля бухта.
– Ну пошли.

Катер с реющим парашютом стоял метрах в двадцати от края понтона, к нему нужно было добираться на резиновой лодке с мотором. Руководил всем араб, который назвался Ахметом, – он спросил, как они хотят: качелями или паровозом. Михаил выбрал паровоз, и Ахмет помог им надеть сбрую, подтянул парашют вниз лебедкой и пристегнул к нему карабин.

– Are you ready?
– Давай!
– Аааааааааааа!

Парашют резко взмыл вверх, катер рванул вперед, Белка заорала и замотала ногами, Михаил обнял ее за плечи и закричал в ухо.

– Ну все, все. Уже летим. Все хорошо.

– Ух, классно! Страшно как! А красиво! Вся бухта видна. И вон тот мыс правда похож на акулу.

– Похож. Я вот буду твоей акулой. Вот она к тебе сзади так подбирается...

– Ты и тут сзади пристроился. И уже уперся в меня.

– А ты не верти попкой.

– Это ветер меня всю вертит и крутит и несёт.

– Хорошо?

– Да. Лямка только ногу жмет.

Михаил поправил лямку и ладонями провел по внутренней стороне бедер девушки, потом засунул руку ей в плавки.

– Ой, Мииишка! Ну ты что! Он же на нас смотрит. Ахмет.

– Ему солнце бьёт в глаза, он не видит.

– Так он услышит.

– А ты тихонько.

– Ты сдурел! Я не могу тихонько. Я щас улечу как ракета.

- Ну ладно. Не хочешь – как хочешь.
 - Ну ты подлец какой! Давай! А то умру. Давай уже его!
 - Хорошие у тебя плавки – и снимать не надо.
 - Тебе ж не нравились.
 - Нравились. А сейчас еще больше нравятся. А тебе так нравится?
 - Уух, Мишка! Ну что ты опять со мной делаешь!
 - А ты не хочешь?
 - Ну хочю! Я не могу сдвинуть ноги! Потрогай меня! Всё... всё... ооох... пусти... пусти меня. Я не могу больше. Давай ты. Боже, как хорошо! А ты говоришь – счастья нет.
 - Есть?
 - Вот, сейчас. Разве нет?
 - Да. Сейчас. В небе. С тобой.
 - Не могу поверить: мы с тобой летим... над морем... и опять ты меня... поймал.
 - Такой у тебя день рождения. В небе. Над морем.
 - Девчонки умрут просто!
 - Так ты им расскажешь? Всё?
 - Ну Мииишка!
- Парашют стал медленно снижаться, трос подтягивал его к катеру, пока их ноги не коснулись кормы. Ахмет застопорил лебедку и помог освободиться от подвесной системы.
- It was a good flight?
 - Ох и good! Лучше не бывает!
- Щеки Белки стали под стать ее купальнику, она не смотрела на араба. Они уселись на заднее сиденье, и катер повернул к берегу.
- Опять надругался над бедной девочкой. Ну вот. Ты из меня теперь вытекаешь.
 - Сэкономил на креме.
- Белка повозила ладошками по внутренней стороне бедер, потерла щеки и лизнула палец, потом опустила руку за борт и провела языком по ладони.
- Как море. Теперь я всегда буду вспоминать море.
 - Хорошо было?
 - Еще никогда так не было!
 - А почему?
 - Ну мы летели... я и летела, и была у тебя в плену... никуда не могла деться... и я не могла сдвинуть ноги... и Ахмет твой смотрел...
 - А тебе это нравилось.
 - Ну не спрашивай!
 - А ты скажи.
 - Ну это стыдно!
 - А ты мне на ухо. Признайся.
 - Не дождешься!
 - Ну давай. Я никому не скажу.
 - Знаешь, я в больнице как-то была в родильной палате.
 - И что.
 - Женщина лежала с раздвинутыми ногами, а вокруг были врачи разные. Мужчины. Мне так стыдно было, будто это я лежу.
 - Так ты себя представила – с раздвинутыми ногами. И все на тебя смотрят. А ты этого хочешь. Чтоб смотрели.
 - Ну откуда ты все про меня знаешь!
 - И тебя это завело?
 - Ну... да. Ужасно.

– И сегодня так же?

– Да.

– И от этого сильнее было?

– Ну так сильно – чуть не умерла. Я все время думаю: сильнее уже быть не может. А потом ты опять что-нибудь утворяешь, и бывает сильнее и лучше. Ты и дальше так делай, Мишка. Разное. Всякое. Что хочешь. Мне все нравится. Я сначала пугаюсь, а потом нравится. Ой, а что это у тебя с ним опять такое? Я же его даже и не трогала.

– Ты его словами трогала. Ты когда про себя правду рассказываешь – ему это очень нравится.

– Правда? Словами? А ты можешь меня словами потрогать.

– Ты моя маленькая пушистая пи...ка, – Михаил пригнул к себе голову девушки и зашептал ей в ухо.

– Ну Мииишка! Ну так неприлично говорить! Перестань! Я опять захотела!

Михаил присел на лежак, достал сигарету, жадно закурил и откинулся на спину, Белка опять лежала на животе и болтала ногами; смотреть на нее было сладко и мучительно, он перевел взгляд на море. *Господи, как хорошо. Неужели бывает так хорошо.*

– Белка, мы перед обедом зайдем в номер – душ принять?

– Ага, зайдем – тогда мы обед точно пропустим.

– Ну пошли так. А в душ после обеда.

– Пошли. Я голодная как неделю не ела!

Они шли с тарелками в руках вдоль стоек, разглядывая причудливые блюда, рядом с которыми стояли таблички с надписями на четырех языках.

– Мишка, а что такое ге-мю-се?

– Гемюзе – овощи по-немецки. Смотри ниже – там есть по-русски.

– Ой, смотри, что написано: лизанья. Это прямо тут... что ли.

– Вот дурында ты у меня какая. Ла-занья, итальянское блюдо такое. Попробуй.

– Дааа, знаю я итальянцев этих. Те ещё ли... ла... дно, попробую. А что это такое белое длинное.

– Это кальмар.

– А похоже на... А вот смотри – пишут, чтоб я сушила что-то. А я уже вся и высохла.

И откуда они знают, что я мокрая была.

– Да нет, посмотри наверх – это рыба японская. Сырая. С рисом.

– Ну нет – хватит с меня рыбы на сегодня. А на десерт что будем.

– Можно тортики.

– Не, мне нельзя, я в платье не влезу.

– Ну пошли к фруктам.

– Ой, Миш, смотри, сколько бананов. И все порезанные.

– Так что. Их только что порезали, видишь – сок.

– А я люблю, чтоб был длинненький.

– Будет тебе и длинненький.

Кондиционер в номере сдувал пот с горячей кожи. Белка лежала на животе и снова болтала ногами, Михаил рисовал пальцем у неё на спине ромбики.

– Ну что, хватило длины?

– Вот ты всегда так, Мишка. Подкалываешь меня.

– Хорошо тебе сегодня?

– Мне уже три раза хорошо сегодня было. А знаешь, что лучше было всего.

– Что.

– Когда мы летели... Ну там... в небе. Я никогда ещё так себя не чувствовала. Сначала так страшно было. А потом хотелось петь и кричать. Хотелось вырваться и улететь. А ты меня держал. И трогал. Там. И я не могла сдвинуть ноги. И Ахмет внизу. Он же знал, что ты со мной делаешь. Так стыдно было. И так приятно. Обалденно просто. Почему так, а, Мишка.

– Ну вот ты в детстве конфеты из буфета потихоньку от мамы таскала?

– Откуда ты знаешь.

– Да я спросил просто. Все таскают. Боялась, что мама накажет?

– Дааа.

– А конфета от этого вкусней не становилась?

– Наверно. Стыдно было, но так хотелось.

– Ну вот.

– Что вот.

– Ты перебарывала страх и стыд, и от этого было ещё вкусней. Когда ты отпускаешь себя, стряхиваешь то, что тебя сковывает изнутри, делаешь то, что хотела сделать, но боялась или стеснялась, ты становишься немного свободней, чем раньше, и от этого испытываешь... радость, иногда даже и...

– Но я никогда не хотела, чтобы ты меня... при ком-то...

– Ты просто не думала об этом. Ты не знаешь всех своих желаний. Но это не значит, что в тебе их нет.

– Так значит, ты меня знаешь лучше меня самой.

– Выходит, что лучше.

– Какой ты у меня умный, Мишка. А ты не можешь сказать, что я ещё хочу, но стесняюсь, чтобы я...

– Нет, Бельчонок.

– Почему.

– Всему своё время. Давай собираться, погуляем до ужина.

Белка выгнала Михаила на балкон покурить и полчаса чем-то шуршала, потом позвала его. Волосы её были подняты вверх и заколоты в высокий узел, только перед ушами спускались два завитых локона. На ней было серое эластичное платье в обтяжку, отливавшее перламутром, оно оставило открытыми плечи, сверху держалось на торчащих сосках, почти все ноги были голые. Завершали наряд босоножки из серебристых полосок на шпильках.

– Если я вот так пойду.

– Тебя сразу же украдут.

– Смеешься.

– Если бы ты была совсем голой, я бы тебя меньше хотел.

– Так тебе нравится платье.

– Мне нравишься ты в этом платье. Ты как конфета в блестящей обертке. В буфете.

– Так тебе хочется меня стащить? Из буфета.

– Мне так хочется с тебя его стащить, что лучше выходи скорей, а то мы пропустим все на свете.

Уже вечерело, они шли по ярко освещенной Soho Square, Белка согнула левую руку Михаила и держала ее двумя своими, шпильки ее громко цокали по тротуару.

– Мишка, у них тут Новый год, что ли.

– У них тут каждый день Новый год.

– А что это за телефонные будки такие – красные.

– Это же Сохо – под Лондон сделано. Вот, смотри – Черчилль сидит.

– А это кто.

– Премьер-министр у них такой был.

– Был? Уволили уже?

– Да он умер уже.
– Опять издеваешься над бедной девочкой. Как же он может сидеть, если умер.
– Да он бронзовый сидит. На бронзовой скамейке. Смотри – с сигарой. Садись рядом, я тебя пощелкаю.

Белка наконец увидела, уселась рядом, закинула ногу на ногу и томно положила голову Черчиллю на плечо.

– Давай теперь я тебя.
– Не, я лучше с Мэрилин Монро. Вот она.
– А чего это у нее платье задрано.
– Ветер.
– Мишка, ну какой ветер – она же бронзовая.
– Белка, у тебя и без ветра больше видно, чем у нее. А я совсем не бронзовый... так что смотри...

– А давай мы тебе сигару купим.
– Зачем.
– Ну... она такая длинненькая. Мне нравится.
– Что-то тебя сегодня на длинненькое тянет. Давай лучше мы тебе мороженое купим. Эскимо. На палочке.

– Давай!
Зазвучала музыка, и в небо из центра фонтана взвилась струя воды, упала, по кругу поднялись другие: они двигались в такт и подсвечивались разноцветными огнями.

– Мишка! Как красиво! Я такого никогда не видела!
– Это в честь твоего дня рождения.
– Правда?! А как они узнали?
– Ну, у тебя же в паспорте написано.
– Точно! Класс! А ты можешь меня щелкнуть, а то девчонки не поверят, что такое бывает.
– Ладно. Пошли теперь еще походим, а то ужин пропустим.

Рестораны сменялись магазинами, витрины притягивали к себе девушку магнитом, она удержала Михаила под вывеской «Ali-Baba Jewelry», под ней витрина полыхала радугой драгоценных камней и золотых украшений.

– Мииишка! Давай зайдём! Посмотрим хоть.
– Конечно, маленькая. Тебя хлебом не корми...

Магазинчик был небольшой, но ярко освещенный; за прилавком стоял пожилой египтянин, он поздоровался с ними по-русски.

– Что пожелаете? У меня есть все, что нужно такой красивой девушке. Вчера пришла новая партия жемчуга из Каира.

– А можно, мы посмотрим?
– Конечно. Можно и примерить. Вам нравится жемчуг?
– Очень нравится! Он такой... нежный.
– И подойдет к Вашему платью. Вот интересная подвеска.

Хозяин достал с витрины подвеску на цепочке в виде причудливой спирали, похожей на скрипичный ключ: она была сделана из белого и желтого золота, грани ее были ребристыми, преломляли свет и разбрасывали блики вокруг, внутри дрожала жемчужина величиной с крупную горошину. Он знаком развернул девушку и застегнул цепочку на ее шее. Белка порозовела от удовольствия и закрутилась перед зеркалом.

– Правда, красиво, Мишка?
– Тебе очень идет.

Египтянин внимательно следил за глазами девушки, не упуская из виду и Михаила.

– К этой подвеске у меня есть изумительные серьги, – он достал из ящика под витриной пару сережек висюльками с каплями жемчужин на конце. – Примерьте. В углу есть хорошее зеркало. Как это – триляж? Проходите.

Белка поцокала в угол, а Михаил спросил:

– И сколько они стоят?

– Для такой красавицы никаких денег не жалко – нет? Если возьмете и подвеску – будет хорошая скидка – только сегодня. Дешево отдам! Вы так дешево нигде не найдете – хоть в Каир поедете.

В углу Белка крутилась перед зеркалами, поворачивалась сама и поворачивала боковушки трельяжа, приподнимала ладонями свои конические девичьи груди, улыбалась, хмурилась, делала надменное лицо, вертела головой и, в конце концов, стала совсем пунцовой от возбуждения, оторвалась от зеркала, тяжело вздохнула и вернулась к витрине. Хозяин был к этому готов.

– Поверьте мне – я продаю жемчуг сорок лет – никогда не видел, чтобы он был кому-нибудь так к лицу. Наша царица Клеопатра очень любила жемчуг – она его даже пила, растворив в уксусе. Вы на нее очень похожи.

– Я?! На Клеопатру?! Царицу?!

– Да, моя дорогая. Вот у меня есть книга – «Каирский исторический музей» – тут есть ее портрет. Посмотрите.

Египтянин полистал альбом и показал Михаилу фото древней камеи, где в профиль была изображена любовница Цезаря и Марка Антония, потом вышел из-за прилавка и развернул девушку боком: действительно, прическа ее была похожа на прическу царицы, остального на камее было не разглядеть.

– Ну что? Похожа? Что я говорил?

– Ладно. Уговорил. Белка, будешь теперь Клеопатрой.

– Ну Мишка! Мне так нравится! А ты прикалываешься – всегда ты так.

– И мне нравится. Я только не знаю – у Клеопатры были такие же короткие платья или как. Походи туда-сюда – мы на тебя посмотрим.

Белка иронию отвергла высокомерным взглядом и начала дефилировать по магазину, начиная шаг от бедра и разглядывая свое отражение в зеркалах и витринах.

– Ты уже своими ногами полдороги до Лондона отмерила. Может, пора развернуть их к ресторану? Я что-то голодный. Как Цезарь после Рубикона.

– Ну вот ты какой все-таки, Мишка! Так хочется поносить.

– Да успеешь еще. Хоть всю ночь носи.

– А мы что – сюда вернемся? Да тут же ночью закрыто! Опять ты!

– Ну что ты, Бельчонок. Пошли.

– Ладно, снимаю.

– Зачем? Это как раз для вечера. На пляж такое не носят.

– Ты хочешь сказать, что мне их дали на прокат? Как в «Красотке»?

– Я хочу сказать, что уже заплатил, пока ты разглядывала пыль на зеркалах.

– Правда?! А откуда у тебя такие деньги?

– Да мы с Темкой запустили один проект.

– А почему же ты мне не говорил?

– Хотел тебе сделать сюрприз. На день рождения.

– У тебя получилось! Спасибо!!! Хотя я до сих пор не верю, что могу так и уйти, – девушка с опаской посмотрела на хозяина – тот покивал головой и улыбнулся, – тогда она обхватила Михаила руками за шею и поцеловала в губы: сначала тихонько, потом сильнее и сильнее, – так, что у него захватило дух и джинсы стали тесными. Хозяин поймал его взгляд и глазами спросил: «Ну что, разве это не стоит этих денег?» *Стоит. Это стоит всех денег,*

какие у тебя есть. И какие будут. Разве это можно измерить деньгами. Разве счастье можно мерить деньгами. Запомни это: вот, сейчас – тебя обнимает девушка, которую ты любишь, ты подарил ей немного радости, и ты счастлив.

Ужин уже давно начался, было много людей, но к ним подошел метрдотель и провел их к свободному столику, снял табличку Reserved и пожелал приятного вечера. На столике горела свеча в матовом колпаке. Перед террасой была маленькая эстрада, на которой женщина в длинном черном платье пела в микрофон старые шлягеры, ей аккомпанировал гитарист с косичкой. Дальше шел подсвеченный бассейн, бар слева работал, островок с тремя пальмами был виден силуэтом.

Ели разное мясо, которое повара готовили прямо на террасе, пили шампанское, а в конце к их столику под грохот барабанов, бубнов и визг флейт подтянулась вереница арабов в бурнусах – первый нес торт со свечами, они пели и что-то галдели, пока Белка не задула свечки.

– Загадала желание?

– Загадала.

– Какое.

– Не скажу.

– А как же я его исполню.

– А ты догадайся.

– Ладно. Попробую.

После ужина они дошли до бара и уселись за столик, Михаил закурил.

– Дай мне сигарету.

– Зачем тебе.

– Ну я хочу попробовать.

– Попробуешь щас у меня.

– Ну вон девчонки все курят. Так красиво. Она такая длинная... Берешь ее так... в рот... тянешь...

– Я тебе дам... в рот. Палучишь у меня.

– Ну Мишка. Ну они же все так делают...

– А если они сейчас тут трусы начнут снимать... Ты тоже...

– Не, я не смогу.

– Слабо?

– Та нет.

– А что.

– А на мне их просто нет.

– Врешь.

– Дай руку. Чувствуешь?

– Так ты хотела это сделать. И сделала.

– Я не задумывала это заранее. В последний момент захотелось. Ты теперь будешь стесняться со мной идти?

– Глупая ты моя. Нужно было раньше сказать.

– Зачем.

– Я бы гордился. В Сохо.

– А ты бы мне жемчужины подарил?

– Я бы там все деньги оставил.

– Так мы ж ещё только приехали.

– Это меня и пугает. Что ты еще утворишь.

– Ну не бойся, Мишка. Мне ещё никто не дарил таких подарков. Я так рада. Но я не за это тебя люблю.

- А за что.
- Я и без жемчужин чувствую себя с тобой...
- Как.
- Как Клеопатра.
- Ты и есть Клеопатра. В юности. Ты становишься ею. Каждый день.
- Это ты меня ею делаешь. Я хочу коктейль.
- Какой.
- Высокий. Разноцветный. С трубочкой. Она такая длинненькая... Ой.
- Белка!
- Ну вон смотри – девчонки пьют.
- Ладно.

Михаил поманил официанта и заказал коктейль, тот принес его через пять минут. Белка потянула жидкость через трубочку.

- Вкусный. Мишка, а пойдем на остров.
- Пойдем.

Они перешли мостик, и Белка прислонилась спиной к пальме.

- Подними платичко.
- Зачем?
- Я приласкаю твоего бельчонка.
- Ну они же увидят!
- Нет. У них свет, а мы в тени.
- Ну услышат.
- Нет. Музыка.

Девушка потянула подол вверх левой рукой.

– Я так люблю, когда ты так делаешь. Так нежно. Так приятно. И где ты научился так делать. Сильней! Ой, Мииишка! Опять! Целый день сегодня. Вставай. Теперь давай я. Подержи коктейль. Ниже опусти. Где он у тебя. Ему тоже нужна свобода. Сейчас я вас освобожу. Хочешь? А он? Держишь его в плену все время. А он вырывается. Вот. Ну давай... давай, мой хороший. Мой бананчик любимый. Мой сладкий. Вот. Да нет, давай его сюда, будет у меня коктейль, царский. Это Клеопатра так жемчуг пила? Мы тоже так можем. Все... все. Вкусно получилось! Легче тебе? Опять я тебя полечила. Спасла. От мучений. Понравилось вам?

- Ооох, Белка, ууух блин! Ох и хорошо! Ох и классно! Ну ты и придумала!
- Тише, Мишутка. Музыка кончилась. Как ты думаешь, знают они там, что мы делаем?
- Уффф. Не знаю. Пойдем спросим.
- Шutiшь опять.
- Нет. Пойдем посидим за столиком. На террасе. Допьешь коктейль.
- Думаешь, я боюсь? И пойдем.

Они уселись за столик, Михаил жадно закурил, Белка села боком к столу и положила ногу на ногу. Ужин закончился, люди слушали музыку, болтали – был обычный вечер. Кто-то собирался в город, кто-то в Сохо. Женщины были нарядно одеты и накрашены, мужчины, по большей части, в джинсах и поло, – они разглядывали чужих женщин и гордились своими. Михаил видел, как их взгляды скользили по бедрам Белки, гладили ее голые плечи, проникали сквозь ткань платья к торчащим соскам. Она это тоже чувствовала, но не смущалась, помещивала трубочкой коктейль и отсербывала, с вызовом глядя вокруг, снимала ногу с колена и клала другую, медленно, как Шэрон Стоун в «Основном инстинкте». Она протянула руку через столик, взгляд ее говорил: «Пусть они смотрят, пусть знают, пусть хотят – все это только твое». Михаил вложил свою руку в руку девушки, они касались и взглядами и понимали друг друга без слов.

Разве она похожа на медсестру из заштатной мухосранской больницы? И когда она стала такой. Или она такой была. Нет, она стала другой. А ты заметил, как этот бутон распустился и превратился в цветок. И почему это произошло. Никакая косметика не сделает девушку красивой, если... Если что. Если она не ощущает поток... любви. Не простой похоти, а нужности кому-то одному. Ощущение единственности для кого-то. Никакие звезды Плейбоя не нравятся тебе так, как нравится она. И так не возбуждают. Почему это так. Где скрыт этот секрет. Ты же видел такие же бедра, такую грудь. Вот – секрет в глазах. Они загораются по-другому, и ты видишь ее совсем по-новому. Да. Свет любви в глазах превращает бутон в прекрасный цветок.

– Белка.

– Да.

– Ты сегодня как цветок. Цветешь и пахнешь.

– Какой цветок?

– Не знаю. Все цветы в одном. Оллиноклюзив.

– Ты правда так думаешь?

– Да. Я думаю, что я тебя люблю.

– Ты сам первый никогда этого раньше не говорил.

– Вот, говорю.

– Спасибо, Мишка.

– За что.

– За то, что ты у меня такой есть.

– Какой такой. Я просто Мишка Дуридомов. Из Мухосранска. Ничего во мне нет особенного.

– Дуридом ты мой любимый. Слышишь? Мой. И мне больше ничего не нужно. Только чтобы ты был мой. Будешь? Всегда.

– Конечно.

– Ты меня не обманываешь?

– Ну что ты, Бельчонок. Ты меня пристегнула к себе наручниками. А ключ спрятала. Под платье. Уже давно.

– Так тебе нужен ключ?

– Нет. Я так и хочу быть. С тобой. Всегда.

– Хочешь?

– Да. Еще хочу тебя щелкнуть – с коктейлем.

– И будешь всем показывать?

– Да.

– И рассказывать?

– Нет.

– Почему? Ты разве удержишься?

– Я оставляю это для себя. Поставлю на фотоидентификатор в телефон, и каждый раз, когда ты позвонишь, я буду вспоминать про коктейль. Про море. Про тебя на острове. Ну, бери трубочку в рот.

– Ладно.

– Ох и классно ты это делаешь. Пойдем в номер.

– Ну пойдем.

Номер был убран, кровать застелена, утренний букет был в вазе, на столике стояла корзина с фруктами и из блестящего ведерка выглядывала бутылка шампанского.

– Ой, Мишка! Опять шампанское! И ананас! И бананы! Классно как! Повеселимся еще немножко?

– Хочешь шампанского?

– Ты же знаешь, как я люблю шампанское. У него такая пена. Вкусная.

Михаил достал бутылку из ведерка, встряхнул, повернул пробку и поддел ее большим пальцем – раздался хлопок, и пробка ударилась в стену. Он быстро зажал горлышко, оставил небольшую щелку и направил бутылку на девушку; она завизжала, выставила вперед руки, но это ее не спасло: она была вся в пене, струйки игристого вина стекали по ее бедрам.

– Мииишка! Ну подлец ты какой! Я же вся мокрая!

– Я же тебе обещал. Разве я тебя когда обманывал. Иди ко мне, мой мокрый Бельчонок. Ты вся липкая. Вкусная. Снимай свое платичко. Вниз его. Твой бельчонок хочет шампанского? Сейчас мы его напоим. И накормим. Бананами. И приласкаем. Хочешь?

– Ну я всегда хочу. Ты же знаешь. Ты про меня все знаешь.

– Пошли в душ?

– Ну пошли.

– А потом ляжем спать и будем спать долго-долго.

– Я тебе дам спать!

– Не дашь?

– Никада!

– Так я умру тогда.

– Не умрешь. Я же медсестра. Я тебе не дам умереть. Ты мне еще нужен.

– Нужен?

– Нужен.

– В душе?

– И в душе тоже.

– Спину потереть?

– Я вот тебе щас потру. Снимай штаны! Быстренько!

– Слушаюсь, Ваше Величество.

– То-то же! Смори у меня! Цезарь ты мой.

– Давай я лучше буду Марк Антоний.

– Ладно, Марк. Снимай штаны. А то мое царское терпение уже кончается.

– И что будет?

– Увидишь, что будет.

– И откуда ты такая взялась на мою голову.

– Какая?

– Любимая.

– Правда? Ну пошли уже. Сил нет.

– Ты голодная?

– Как и не ела ничего.

– Ну, это поправимо. Щас мы тебя накормим. По-царски.

Обнаженное море

Михаил проснулся от криков за окном, кричали на непонятном языке, *вот черт бы их*, на душе было тепло, сон еще не отпустил его, *что же там такое было*, он открыл глаза, мерно жужжал кондиционер, было уже утро, одеяло сползло на пол. Он повернулся, справа от него раскинулась на спине обнаженная девушка, левая рука ее была поднята на подушку, усыпанную волосами цвета темной-красной меди, ноги ее были слегка согнуты в коленях, губы шевелились. Взгляд его прошелся по белой коже девушки, по голубой жилке, ручейком пересекающей левую грудь и остановился на розовом соске. Он задержал свою руку, потянувшуюся к груди девушки, и опустил глаза вниз: чуть выпуклый живот мерно двигался; он тихонько прижал губы пониже пупка, опустил их еще ниже, зарылся носом в пушистый треугольник темных волос, медленно раздвинул бедра девушки руками. Тайная дверь чуть приоткрылась, он помог ей и застыл, зачарованный, как будто заглянул в нее впервые. Девушка слегка повернулась, бедра ее широко раздвинулись, она опустила руки и стала ерошить волосы Михаила, прижав его голову к себе; живот ее поднимался, дыхание участилось, она уперлась пятками в постель и подняла бедра, потом сжала их, дернулась, послышалось «ууух», она резко повернулась вправо и перевернулась на живот, медленно двигая бедрами, затихая, потом вырыла щекой ямку в подушке и замерла. Михаил поднял голову, повел сдавленной шеей, улегся на упругие белорозовые ягодицы и провел ладонью по левому бедру девушки, она согнула ногу в колене, и он не удержался, запустил руку меж ее ног сзади, услышал «нууу», вытащил мокрую ладонь, поднялся и лег на подушку. Желание пульсировало в нем, требовало удовлетворения, но он не хотел будить девушку, он мог себе позволить отложить исполнение желания, это не раздражало его, наоборот, наполняло какой-то первобытной силой: он знал, что это будет, пусть позже, но обязательно будет. Он тихонько убрал темно-рыжие волосы в сторону и поцеловал место, где шея переходит в плечо, потом заставил себя остановиться, развернулся и встал.

Контрастный душ немного его успокоил, он оделся и вышел из номера. Отель еще спал, Михаил быстро спустился вниз: в ресторане расторопные гарсоны уже накрывали завтрак. Он нашел кофе, быстро выхлебал чашку, вышел на улицу, с наслаждением закурил и повернул налево. Через квартал перед ним открылась площадь Массена, согрела его теплом терракотовых фасадов. Лучи утреннего солнца путались в струях фонтана, искрились на мраморной коже семиметрового обнаженного Аполлона, который, похоже, не сдерживал себя утром, так как пребывал в состоянии гордого покоя.

Михаил пересек площадь, прыгая по черным плитам шахматной доски, углубился в сквер, покосился на "Арку"; кроны пальм благосклонно ему кивали, но он не ответил им – его ждало море. Он пересек набережную, спустился на пляж: перед ним раскинулось спокойное спящее море, волн не было, оно манило его, звало в себя, соблазняло полной прозрачностью, обещало покой и негу. Он быстро разделся и по гальке добрался до края моря, решительно вошел в него, прошел пару метров, нырнул, открыл под водой глаза – сокровища Али-Бабы мерцали на дне, он вынырнул, встряхнул головой и поплыл навстречу солнцу. Соленая вода поддерживала его, ласкала его кожу, покорно расступалась под его гребками; он перевернулся на спину, выпустил вверх фонтан воды и застыл, раскинув руки и ноги: ощущение счастья наполнило его до краев. *Вот, запомни это: ты только что чувствовал соль женщины, а теперь – соль моря, они твои, и больше тебе ничего не нужно.*

На берегу Михаил жадно закурил, лег на спину, подставив тело молодому солнцу, вода высыхала на нем, впитываясь в кожу, наполняя ее упругой бурлящей энергией.

Минут через двадцать он вернулся в отель, перепрыгивая через три ступени, поднялся на второй этаж и вошел в номер. Девушка спала на правом боку, он быстро разделся и лег, прильнув к ней всем телом и, добравшись, наконец, до ее груди, поймал сосок.

– Ой, Мишка! А мне больница снилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.